О.Л. Грановская*

ЛЕВ ШЕСТОВ И ИСАЙЯ БЕРЛИН:
ФИЛОСОФИЯ ТРАГЕДИИ И КОНФЛИКТА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Данная статья представляет собой историко-философское исследование, посвященное особенностям философии на перекрестках культур на примере точек пересечения фигур с мультикультурной идентичностью – И. Берлина и Л. Шестова. Основная задача исследования – поместить философию русского зарубежья в исторический и смысловой контекст и проследить некоторые закономерности и особенности мировоззрений ее представителей. Ключевой тезис статьи – схожесть экзистенциального мультикультурного опыта вызывает к жизни схожие основные философские установки. Берлин и Шестов характеризуют ситуацию человека, как ситуацию экзистенциального выбора и моральной трагедии. Жизнь определяется трагедией и творчеством, они идут рука об руку, человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями. Автор проводит последовательный историко-философский и компаративистский анализ идей Берлина и Шестова: о назначении философии, критики монизма Просвещения и идеи рационального единства, природы человека, веры и либерализма.

Ключевые слова: история философии, русское зарубежье, Л. Шестов, И. Берлин, сионизм, ценностный плюрализм, вера, либерализм

Leo Shestov and Isaiah Berlin: philosophy of tragedy and conflict at the crossroads of cultures. OLGA L. GRANOVSKAYA (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the study of the intersections between the ideas of two philosophers with multicultural identity – Isaiah Berlin and Leo Shestov. The main task of the research is to place the philosophy of the Russian overseas diaspora in a historical and semantic context and to trace certain patterns and peculiarities of the worldviews of its representatives. The key thesis of the article is that the similarity of existential multicultural experience brings to life similar basic philosophical attitudes. Berlin and Shestov characterize human situation as a situation of existential choice and moral tragedy. Life is determined by tragedy and creativity that go hand in hand, individual ability to create is rooted in despair and inability to find the universal foundation of the world, to bring the world into harmony with one's own ideas and expectations. The author conducts a consistent comparative analysis of Berlin's and Shestov's ideas regarding the appointment of philosophy, criticism of the Enlightenment Monism and the idea of rational unity, human nature, faith and liberalism.

Keywords: history of philosophy, Russian emigration, L. Shestov, I. Berlin, Zionism, value pluralism, faith, liberalism

* ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: granovskaya.ol@dvfu.ru

© Грановская О.Л., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01132.

Исайя Берлин (1909–1997) был младшим современником Льва Шестова (1866–1938). Этих двух философов связывает сходство экзистенциального опыта: евреи, родившиеся в России, пережившие революцию и эмиграцию. Люди мультикультурной идентичности, находившиеся на перекрестке культур и мировоззрений, продолжением которой стало их философское мировоззрение. Возможно, именно поэтому в их идеях так много общего.

И. Берлин пережил революцию будучи ребенком, стал рыцарем британской королевы и признанным интеллектуалом. Однако память о трагическом времени революции, страх перед физическим насилием и недоверие политическим экспериментам никогда не оставляли его. Может быть, поэтому его философия – это философия изначальной моральной трагедии, необратимой утраты ценностей и конфликта истин.

Философия Льва Шестова – это также философия трагедии, выросшей во многом из экзистенциального опыта философа, на долю которого выпало немало потрясений – в двенадцатилетнем возрасте он был похищен анархистами и шесть месяцев являлся заложником (отец отказался платить выкуп преступникам), но вернулся домой невредимым. Лев Шестов не хотел помогать отцу вести семейный торговый бизнес, он тяготился этим, как и Берлин, из-за чего чувствовал постоянный груз вины. Он был старшим сыном, имел соответствующее образование, но «не оправдал надежд семьи». Вместо этого он увлекается философией и отходит от ортодоксальной иудейской традиции. Кроме того, как свидетельствует новое исследование неизвестных писем Льва Шестова, проведенное Натальей Громовой, источником его отношения к иудаизму и трагедийности его мировоззрения также являются непростые отношения с семьей в результате сложившегося в жизни Шестова любовного треугольника и тайной женитьбы (см.: [7]).

Отношения Исайи с иудаизмом также были неоднозначны. Неверующий скептик Берлин считал, что еврейство – это идентичность, которую можно ставить под вопрос, но от которой нельзя избавиться и через которую невозможно переступить [15, р. 80]. В 1939 г. в жизни философа произошла важная встреча – он знакомится с лидером сионистского движения и будущим первым президентом нового государства Израиль Хаимом Вейцманом. После этой встречи английский дипломат Исайя надолго окажется внутри сложного клубка противоречивых инте-

ресов: сионистов, простых евреев, страдающих от большой политики, войн и геноцида, и колониальных интересов Великобритании. Этот личный опыт привел Берлина к идее противоречивости целей и ценностей, невозможности утраты, возникающей в результате этического и политического выбора, которая становится центральной в его концепции агонального либерализма (см.: [5; 6]).

Шестов, как и Берлин, находился на перекрестке культур, ценностей, интересов. Далеким от ортодоксального иудаизма, он живо интересовался проблемами еврейского мира, восторженно относился к сионизму. В 1898 г. он по просьбе отца присутствует на втором конгрессе сионистов в Базеле. Шестов обращается к библейским пророкам [12, с. 226], видя в них ключевой источник своей религиозной философии. Его идеи пользовались огромной популярностью в кругах Израильского рабочего движения, что способствовало усилению в нем немарксистских тенденций.

Многие исследователи (Дж. Грей, Б. Дубин, А. Маколкин) [19, с. 103; 21] отмечают, что трагедийный элемент в мировоззрении обоих мыслителей связан с их «иудейско-русской идентичностью». Главной задачей философии Шестова было противопоставить абстрактной, общеобязательной истине истину личную, субъективную, путь к которой ведет через трагедию и отчаяние. Эта идея перекликается с берлиновской критикой рационалистической трактовки человеческой идентичности, традиционной для всех теорий либерализма. Он предлагает лишенное центра понимание самости. Человеческая природа для Берлина – это не то, что должно быть открыто или осознано, это то, что постоянно изобретается людьми посредством выбора. По своему содержанию она имманентно многообразна, а не универсальна, и тем самым «обескровлена».

Шестов считает, что человек, как существо, живущее в двух мирах – «земном» и «небесном», находится постоянно в ситуации экзистенциального выбора и моральной трагедии. Жизнь человека определяется трагедией и творчеством, они идут рука об руку, человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями. И в вере, и в философии человек постоянно пытается «восстановить разбившееся у него на глазах единство мира, связать распавшуюся связь времен» [8].

Берлину, конструирующему постпросвещенческий проект, импонирует мысль Шестова о том, что человек принадлежит к двум мирам. Первый – привычный, милый и комфортный, второй – хаотический, чужой и суровый. Людям, пока они не переживут пограничной ситуации, кажется, что жизнь есть только в уютном мире, а в мире суровом есть «только смерть и небытие, никому не нужное, извне навязанное» [10]. Однако неподвижность и жесткость противоречит духу жизни, которая ничего индивидуального заранее не планирует, но каждый раз «вся изливается в настоящую минуту» [4] и, даруя людям способность к наслаждениям, ничего не гарантирует и ни за что не несет ответственности. Природа – вечное обновление, вечная молодость, непрерывное движение.

Из такой предпосылки происходит понимание этими двумя назначения философии, которое состоит в том, чтобы, исследуя смысл жизни человека, найти способ выхода из трагедии, «научить человека жить в неизвестности» (Шестов) [10] и «помочь человеку понять себя и тем самым действовать в открытом пространстве, а не наугад в темноте» (Берлин) [16]. Оба считали, что задача философии (говоря словами Шестова) – «не успокаивать, а смущать людей» [10]. Философия, с точки зрения Берлина, не должна удовлетворять «глубокую и неизлечимую метафизическую потребность человека» [18, р. 198.] в наличии абсолютного основания мира. Центральная идея Берлина, идея плюрализма ценностей, лишает людей метафизического комфорта, поскольку утешительно думать, что наша форма жизни гармонирует с каким-то универсальным основанием, что она вписана в рациональный, естественный или исторический порядок.

Философия И. Берлина своим пренебрежением к гармоничным системам возвращает людей в беспокойное состояние смертных мужчин и женщин, и, проясняя основные «категории мысли», философия в то же время помогает человеку совершать осознанный моральный выбор. Это очень напоминает шестовскую философию «только для тех, кто не подвержен головокружению!» (эта фраза стала эпиграфом к «Апофеозу беспочвенности» [10]).

Вторая точка пересечения этих двух философов – критика монизма Просвещения и идеи рационального единства. Они считали, что идея рационального единства не просто логически несостоятельна, но и токсична для поразительно многообразной жизни, намного более слож-

ной, чем наши представления о ней. С точки зрения Берлина и Шестова, рационалистские теории, пытающиеся облечь жизнь в свою смиренную рубашку, обедняют экзистенциальный опыт людей.

Казалось бы, Берлин должен ссылаться на Шестова в своих работах, но он знакомится с этим автором лишь после его смерти и прямо его в своих текстах не цитирует. Только в интервью, данном Иохану Янгеблу, Берлин отмечал, что Шестов – совершенно достойный, открытый и искренний человек (см.: [15, р. 17]). Берлин восхищался Шестовым, интереснейшим представителем Серебряного века русской культуры, однако сожалел, что открыл его для себя не сразу. Тем интереснее пересечение их идей, разговор на одну тему, но разным философским языком. Берлин говорит языком аналитической философии, а Шестов – языком религиозного экзистенциализма. Но оба разделяют один взгляд на личность, человека, историю.

Философия Шестова экзистенциальна, в ее центре – одинокое «Я» человека, которое противится слиянию с единым. Личность стремится отстоять свое право на уникальность, на собственную картину мира. Берлина также можно, в известном смысле, назвать экзистенциалистом: он считал, что ценности не являются данностью или продуктом традиции, а создаются людьми, посредством совершаемого выбора. Человеческая природа для Берлина – это не то, что должно быть открыто или осознано, это то, что постоянно изобретается людьми через выбор, и по своему содержанию она имманентно многообразна, а не универсальна или всеобща. История показывает: нет никакой постоянной по своему содержанию человеческой природы, есть чрезвычайно изобретательные существа, обладающие огромным культурным разнообразием. Человек не может быть объяснен какой-либо детерминистской схемой, он создает разнообразные и равноправные формы жизни посредством способности выбирать. В деле самосозидания значение выбора огромно, поскольку по крайней мере некоторые формы культурного многообразия рождаются из выбора между несовместимыми ценностями.

Формула Спинозы – существование меняется, но сущности остаются неизменными – ядро субстанциализма. Субстанциалистски интерпретированная «природа человека» – это некий аналог субстанциализма (такого исторического типа философии, который имел дело с миром вечных сущностей, подчиняющихся неизмен-

ным законам) применительно к человеку, фиксирующего в человеке то, что всегда, во все времена и при всех обстоятельствах необходимо ему присуще. Историзм стал тем ферментом, который разложил субстанциалистский тип философствования. С позиций радикального историзма пред-данной, внеисторической сущности человека нет и быть не может. Есть лишь формирующееся и преобразующееся в процессе исторического развития содержание человеческой сущности. Экспрессионизм и волюнтаризм философии романтизма укрепляют плюрализм Берлина, помогают ему разрушать философскую антропологию Просвещения, унаследовавшего идеи классического субстанциализма и рационализма. Из непризнания идеи совершенного общества и глобальных, трансисторических суждений о прогрессе и регрессе вытекает идея присутствия в истории «невозполнимой утраты» (loss), исчезновения ценных достижений и видов деятельности, которые зависят от обреченных социально-политических структур или от различных систем взглядов.

Свобода – центральная категория мысли как у Шестова, так и у Берлина. Шестов считал свободу личности необходимым условием жизни человека, ценностью, стоящей рангом даже выше, чем сама жизнь. Религиозная вера, с точки зрения Шестова, освобождает человека от власти «самоочевидных истин», являясь прыжком в область абсолютной свободы. Именно вера помогает преодолеть идею единства, приносящую миру столько вражды, сколько не приносит никакая другая идея. По Берлину, негативная свобода – основная ценность, поскольку является необходимым условием конструирования человеком уникальных жизненных форм, в том числе таких, в которых разум и автономия не является ценностью. Эти двое как будто выступают в роли эха друг друга, настолько созвучно основное содержание их мыслей. Как политический философ Берлин выходит из трагедии в либерализм, Шестов, как религиозный экзистенциалист, – в веру.

Как религиозный философ Шестов спорит с Бердяевым и Соловьевым о идее всеединства, а Берлин спорит со своим другом Айером и другими аналитическими философами, представляющими сциентистское направление современной философии. По Берлину, лишь живая мысль, не испорченная мифом научного познания и понимающая всю красоту и весь трагизм жизни, в состоянии помочь человеку найти себя в ситуации перманентного конфликта и траги-

ческих потерь. Согласно Шестову, разум, который стремится открыть непреложные истины и предельные основания, избегающий неопределенности жизни, не может иметь ничего общего с экзистенциальной философией, поскольку последняя в отличие от научного мышления, стремящегося заполнить лакуны проблематичного, и в отличие от религиозного сознания, заполняющего сомнение догмой, должна принять на себя риск радикальной открытости.

Еще один важный общий для этих двух мыслителей момент – их стиль философствования, который соединяет историю идей и авторские находки, зачастую весьма противоречивые. «Основная черта художественного творчества – совершенный произвол во всем», – так утверждает Шестов в «Великих канунах» [11]. Берлин, не создавший философской системы, очевидно, соглашался с этой идеей. Оба не любили всякую систематичность, полагая, что она убивает мысль.

Берлина всегда интересовал конкретный анализ проблем «политического человека», политики как таковой. Предмет его теоретических интересов – действительность, рассматриваемая под углом соответствия (или несоответствия) его основному аксиологическому и методологическому принципу – плюрализму. Охватывая своей мыслью широчайшую область наук (философия, история, этика, политология), Берлин не стремился к завершенности, как будто намеренно не желая скреплять отдельные стороны своего мировоззрения жесткими связями и переходами. Работы его объединены, скорее, общей идеей, подходом, нежели строгой логикой. Его идеи плохо поддаются историко-философской утилизации, в эссе и скетчах угадывается предчувствие принципиальной антиномичности теорий.

Свои мысли Берлин часто излагал посредством анализа творчества других философов, однако его тексты, при всей глубине и тонкости анализа, не дают адекватного представления о героях его внимания, поскольку всегда доминирует голос самого Берлина. Макиавелли и Вико, Гердер и Гаман, Толстой и Герцен, Плеханов и Маркс и т. д. – круг общения Берлина предельно широк, хотя и изысканно избран. Берлин пишет не о том или ином герое: своими текстами он пишет себя.

Традиционной для работ Шестова была форма философско-психологического анализа творчества того или иного писателя (Достоевского, Толстого, Чехова, Мережковского, Со-

логу), позволявшая ему постепенно обрисовывать свою позицию. «Шекспир и его критик Брандес», где намечаются ключевые проблемы творчества философа (ограниченность научного познания, критика общих идей и систем мировоззрения, закрывающих от наших глаз реальную жизнь во всем ее многообразии; критика формальной, принудительной морали, универсальных нравственных норм), прекрасный тому пример (см.: [14]). В круг интересов наших героев входили общие собеседники, например, Г. Гейне, чьи слова «Мир и жизнь слишком фрагментарны» стали эпиграфом к первой части «Апофеоза беспочвенности» и могли бы стать эпиграфом ко всей философии Берлина.

Другое важное созвучие – это идея о том, что жизнь удивительно многообразна, она превосходит наши возможности понимания, представлений о ней; ее невозможно поместить в прокрустово ложе создаваемых нами познавательных схем. Только ответственное личное мышление, не загипнотизированное мифом научного познания мира и готовое принимать жизнь такой, какова она есть, со всей ее красотой и трагизмом, в состоянии помочь одинокой человеческой личности не потерять себя среди тягот существования.

«Стремление *понять* людей, жизнь и мир мешает нам *узнать* все это. Ибо *познать* и *понять* – два понятия, имеющие не только не одинаковое, но прямо противоположное значение, хотя их часто употребляют как равнозначные, чуть ли не как синонимы. Мы считаем, что поняли какое-нибудь новое явление, когда включили его в связь прочих, прежде известных. И так как все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения» [10].

«А потому перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше. Истины нет – остается предположить, что она в переменчивых человеческих вкусах» [10]. Ценности постоянно приходят в конфликт, сущностно несовместимы и несоизмеримы в том смысле, что они, во-первых, претендуют на универсальный статус, во-вторых, они взаимно противоречивы, таким образом, индивидуальный разум бессилен перед ценностным конфликтом (Берлин).

В основе плюрализма Берлина лежит ограничивающее понятие общечеловеческого горизонта ценностей, с его помощью ценностям придается объективный характер. Человек – не

только индивидуальный, но и коллективный субъект. Люди создают уникальные мыслительные и дискурсивные формы, каждая из которых обладает своей собственной историей. Именно эти формы придают этическому суждению достоверность. Только в границах интерсубъективного ценностного горизонта человек может формировать идентичность. Говоря словами Герцена, это «условия, которых нельзя будет перейти, оставаясь человеком» [4]. В основе принципиального плюрализма Шестова лежит принцип доверия к жизни: «В конце концов, выбирая между жизнью и разумом, отдаешь предпочтение первой» [10]. Из этого тезиса следуют как критика научного мировоззрения, так и допущение множественности истин.

Другой общей темой для Берлина и Шестова была тема своеобразия культурно-исторического и интеллектуального развития России. Глубоко зная особенности русской и западной культур и сравнивая их, оба философа приходили к очень похожим выводам. Общей для них была мысль, согласно которой идеи немецких романтиков и социалистов воспринимались в России с некоторой долей фанатизма, вызванного интеллектуальной изолированностью России и интеллектуальным голодом: «...В крупнейших городах Российской империи царил жесточайший, требующий любой умственной пищи интеллектуальный голод, а вместе с ним – не имевшая себе равных искренность (а то и обезоруживающая наивность) чувств, свежесть мысли, страстная решимость участвовать в решении судеб мира при весьма смутном понимании социальных и политических проблем своей огромной страны и отсутствии каких бы то ни было связей между этим новым состоянием умов и окружающей их реальностью» [3].

В другой своей работе (см.: [1]) Берлин продолжает эти мысли. По его мнению, в такой стране как Россия, отрезанной от Запада по причине великого средневекового религиозного схизма, получающей очень мало идей извне, с низким уровнем грамотности, практически любая идея, пришедшая с Запада – при условии некоторой первоначальной привлекательности – попадала на изумительно богатую и девственную почву и воспринималась с такой страстью, которую трудно вообразить на Западе. Ситуацию в России во второй четверти XIX в. Берлин характеризует как полный духовный вакуум, в котором жило большое количество наивных и необразованных людей, многие из которых стремились к свету. Это объясняет то, что почти любая идея –

не важно, насколько невероятной и сомнительной она была – находила отзыв.

Именно этой ситуацией Берлин объясняет склонность русских к теориям и доктринам, при этом он подчеркивает, что они воспринимались ими не просто как что-то интересное или забавное, но как источник спасения, способ достигнуть лучшей жизни. Молодые люди становились западниками только потому, что они изнемогали под игом, не позволявшим им получить нормальное образование, которое, как они думали, становилось все более и более доступным населению Запада. В результате они идеализировали Запад. Подобно просвещенным мыслителям Франции и Германии, они считали, что только посредством критической мысли может быть преодолено господство предрассудка, предубеждения, традиции, догмы, слепого подчинения, деспотических правил и раболепия. Они верили в современную науку и в прогресс человечества. Обнаружив, что некоторые западные мыслители – в особенности после неудачи Французской революции – отказались от разума и науки и обратились к иррациональным источникам: религиозным и эстетическим, догматическим и интуитивным, некоторые русские также подверглись этому влиянию, но большая часть тех, чьи взоры были устремлены на Запад, в конечном счете сочли этот путь ложным, предательством настоящего в угоду прошлому.

В «Апофеозе беспочвенности» Шестов тоже рассуждает на тему своеобразия пути России. Шестов, как и Берлин, считал, что причина интеллектуальной и культурной уникальности России в том, что русские «в короткое время огромными дозами проглотили то, что европейцы принимали в течение столетий, с постепенностью, приучающей ко всякого рода ядам, даже самым сильным. Благодаря этому, пересадка культуры в России оказалась совсем не невинным делом. Стоило русскому человеку хоть немного подышать воздухом Европы, и у него начинала кружиться голова. Он истолковывал по-своему, как и полагалось дикарю, все, что ему приходилось видеть и слышать об успехах западной культуры. Ему говорили о железных дорогах, земледельческих машинах, школах, самоуправлении, а в его фантазии рисовались чудеса: всеобщее счастье, безграничная свобода, рай, крылья и т. д. И чем несбыточней были его грезы, тем охотнее он принимал их за действительность» [10].

В своей статье «Рождение русской интеллигенции» Берлин пишет: «Но если на Западе по-

добные идеи распространялись уже много лет и философские, социальные, политические теории и мнения по меньшей мере с Ренессанса перемешивались и соединялись друг с другом, образуя самые разные сочетания и складываясь в общий процесс многосторонней интеллектуальной активности, где ни одна идея или точка зрения не могла претендовать на сколько-нибудь длительное превосходство, – в России все было совершенно иначе» [3]. Впечатление такое, что эти цитаты составляют текст, написанный одним человеком – настолько они стилистически и концептуально похожи.

Рассуждая о таком феномене культуры, как русская интеллигенция, оба говорят, что именно идейный вакуум, длящийся столетиями, стал источником радикализма и даже экстремизма мировоззрения русской интеллигенции, а также ее необыкновенной искренности. Когда Запад понял, что нужно обустривать только землю, и начал разрабатывать идеи и идеалы, русские все еще верили в магию и чудеса и думали, что железные дороги – это только начало нянькиных сказок (Шестов).

Отдельная созвучная тема у этих авторов – понимание русской интеллигенцией своей социальной миссии. Оба отмечают, что интеллигенция – чисто русское явление, поскольку на Западе писатели и поэты не считали, что являются носителями некой особой социальной функции. Как верно замечал Берлин, если бы вы были французским или английским писателем XIX в., вы относились бы к себе как к поставщику определенной продукции, такому же, как многие другие поставщики. «Так думали французские писатели, сторонники теории чистого искусства (искусства для искусства). Они считали, что их бизнес – просто писать на языке (насколько ясном, выразительном и красивом, каким они его могли сделать), они считали себя просто ремесленниками, людьми, производящими какой-либо продукт и желающими, чтобы их оценивали только в связи с этим продуктом» [17]. Их личная жизнь, убеждения и поведение не были делом общественности и критиков. Такая точка зрения яростно отвергалась представителями русской интеллигенции. Идея, что люди играют в обществе определенные роли (согласно которой писателя должны оценивать только с точки зрения заслуг его романа или поэмы), отвергалась многими знаменитыми русскими писателями, поскольку они считали, что человек наделен целостной натурой и что разделение любой формы калечит людей и яв-

ляется искажением правды. В этом, по мнению Берлина, заключается фундаментальное различие взглядов типичных русских и западных писателей. И эта идея – отличительный признак и центральная концепция русской интеллигенции.

Ему вторит Шестов: «Мы хотим щедрой рукой зачерпнуть из бездонной вечности, все же ограниченное – удел европейского мещанства. Русские писатели, за немногими исключениями, совершенно искренне презирают мелочность Запада... Даже эпоха 60-х годов, с ее “трезвостью”, была, в сущности, самой пьяной эпохой. У нас читали Дарвина и лягушек резали те люди, которые ждали Мессии, второго пришествия» [10].

Такое миссионерство передалось русскому большевизму. «Россия спасет Европу – в этом глубоко убеждены все “идейные” защитники большевизма. И спасет именно потому, что в противоположность Европе она верит в магическое действие слова. Как это ни странно, но большевики, фанатически исповедующие материализм, на самом деле являются самыми наивными идеалистами. Для них реальные условия человеческой жизни не существуют. Они убеждены, что слово имеет сверхъестественную силу. По слову все делается – нужно только безбоязненно и смело ввериться слову. И они вверились. Декреты сыплются тысячами» [13, с. 49].

Эту мысль как будто продолжает Берлин. «Действительные члены интеллигенции были политическими памфлетистами, поэтами с сильной гражданской позицией, провозвестниками русской революции – в основном журналисты и политические мыслители» [17], которые совершенно сознательно использовали литературу, иногда не самые лучшие ее примеры, как двигатель социального протеста.

И Берлин, и Шестов совершенно отчетливо видят парадоксы русской утопии: отменив свободу и право, пришедшие к власти революционеры стали подражателями свергнутого режима, верными хранителями традиционных политических схем и прежних бюрократических рецептов. Все пороки старой власти перешли по наследству «государству нового типа»: это и невероятно раздутый бюрократический аппарат, и детская вера «в палку, в грубую физическую силу» [13, с. 52], и эксплуататорский характер новой элиты, и патерналистски-пренебрежительное отношение к народу.

В статье «Молчание в русской культуре» Берлин писал, повторяя мысль Герцена (мрачно

и точно говорившем о судьбе коммунизма в России еще в начале 1850-х гг.), что большевизм – это «царизм наоборот». «Царизм наоборот», с точки зрения английского философа, обязан своим появлением непосредственно Ленину, на которого оказали влияние «особые обстоятельства российской жизни», порождающие необходимость в религиозном, мессианском учении – необходимость, которую марксизм вполне удовлетворял. «Однако Ленин привнес в марксизм требование сурового подчинения: партия, в его интерпретации, больше всего похожа на секту, строго управляемую и требующую от ее членов, чтобы те принесли в жертву самое дорогое, ... причем эффект достигался тем успешнее, чем яснее демонстрировалось презрение к традиционной морали. Здесь чувствуется железный фанатизм, приправленный сардоническим смехом и мстительным попранием либерального прошлого, который претил многим соратникам Ленина, но привлекал таких его учеников, как Сталин и Зиновьев» [2, с. 125].

Результат большевистской революции старшему современнику Берлина Шестову видится не менее отчетливо: сделав однажды ставку на внеэкономическое, силовое принуждение, руководители победившей партии и впредь будут вынуждены следовать этому пути, неизбежно воспроизводя бывшие социальные отношения, те самые, которые они столь непримиримо осуждали. «Ясно, что выход один: с одной стороны, должны быть не работающие, привилегированные классы, заставляющие других строгими, беспощадными мерами сверх сил работать, а с другой стороны – непривилегированные, бесправные люди, которые, не щадя здоровья и жизни даже, должны нести свой труд и свое имущество на пользу “целого” ... Иначе – возврат к старому бесправию и к старой, так хорошо знакомой нищете» [13, с. 116].

Можно найти пересечения у этих двух философов и в таких, казалось бы, параллельных темах, как вера (Шестов) и либерализм (Берлин). Вера понимается Шестовым необычно, «не как доверие к раз усвоенным истинам, не как безусловное признание некоего авторитета» [8], а как результат убежденности человека в отсутствии единой истины и «метафизического утешения». По Шестову, когда человек убеждается в слабости и несовершенстве собственного разума перед лицом жизни, в своем одиночестве в непонятном и непостоянном мире, лишенном справедливости и не дающем основания для надежды, он приходит к вере.

«И именно то, что выводит нас из нашего обычного равновесия, что разрывает на бесконечно малые части наш опыт, что отнимает у нас радости, сон, правила, убеждения и твердость, все это – есть вера» [11].

Для Берлина, как для политического философа, рассматривающего все через призму построения определенной философской модели, позволяющей теоретически осмыслить политическую действительность в свете определенной перспективы самоутверждения политической общности, с которой он сам себя идентифицировал, либерализм является аналогом веры Шестова. Характерной чертой берлиновского либерализма является то, что, оставаясь преданным таким ценностям Просвещения, как толерантность, свобода и освобождение людей от угнетения и невежества, он в то же время отвергал концепцию Просвещения, согласно которой универсализация является стремлением человека, а рациональное общество, в котором партикуляризм будет преодолен, – телосом и концом истории.

Берлин, таким образом, становится «либеральным ироником» (Рорти) [9, с. 88], т. е. человеком, который понимал случайный характер своего дискурса и, таким образом, случайный характер своей совести и своего сообщества. Берлин предлагал отказаться от поисков универсальных оснований либерализма и признать, что либерализм – это одна из многих форм жизни. Если это так, то идентичность участников либеральной формы жизни имеет случайный характер и, естественно, не является выражением всеобщей человеческой природы. Там, где существует конфликт ценностей, правит случайность. Признавая тот факт, что в рамках различных сообществ осуществляются несоизмеримые ценности, Берлин не может поставить в привилегированное положение какую-то одну форму жизни. Таким образом, агональный характер берлиновского либерализма проявляется не только в признании конфликта ценностей, но и в признании того, что либеральное сообщество само по себе является формой приверженности, выживание которой в недружелюбном мире зависит от веры его участников и больше ни от чего.

Либерализм понимается Берлиным не как вопрос разума, но более и более как вопрос сердца, как чувство или как экзистенциальная проблема, как определенный способ нести себя в мире и в компании других. Область, где действует основная ценность либерального

мира, – рациональный выбор (rational choice), ограничена. Свобода не выводится из разума, рациональный стандарт не может быть критерием оценки. Недоверие разуму – русское качество в характере Берлина (И. Бродский). Именно недоверие к разуму объединяет Берлина и Шестова и их интеллектуальных героев Герцена, Паскаля, Макиавелли и Кьеркегора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. С. 3–19.
2. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Берлин И. Рождение русской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/7189238.html>
4. Герцен А.И. С того берега [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml
5. Грановская О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.
6. Грановская О.Л. Ценностный плюрализм Исайи Берлина // Ценности и смыслы. 2015. № 4. С. 90–100.
7. Громова Н. «...И я сам стал иным человеком». Неизвестные письма Льва Шестова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jXKXfHNydlc>
8. Поляков С. Лев Шестов: философия для не боящихся головокружения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/1999/his24.htm>
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
10. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/shestov/apof1.html>
11. Шестов Л.И. Великие кануны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019865>
12. Шестов Л.И. Sola Fide. Только верою. Париж: YMCA-PRESS, 1966.
13. Шестов Л.И. Что такое русский большевизм? // Странник: Литература, искусство, полемика. 1991. Вып. 1. С. 36–58.
14. Шестов Л.И. Шекспир и его критик Брандес [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://royallib.com/book/shestov_lev/shekspir_i_ego_kritik_brandes.html

15. Berlin, I., 1991. *Conversations with Isaiah Berlin*. New York: Scribner's.

16. Berlin, I., 1980. The purpose of philosophy. In: Berlin, I., 1980. *Concepts and categories: philosophical essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12.

17. Berlin, I., 2013. The role of the intelligentsia. In: Berlin, I., 2013. *The power of ideas*. Princeton: Princeton University Press, pp. 125–133.

18. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. *The proper study of mankind*. New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 234–250.

19. Gray, J., 1995. *Berlin*. London: Fontana press.

20. Ignatieff, M., 1998. *Isaiah Berlin: a life*. New York: Metropolitan Books.

21. Makolkin, A., 2002. Russian, Stalinist and Soviet re-readings of Kierkegaard: Lev Shestov and Piama Gaidenko. *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 44, no. 1–2, pp. 79–96.

REFERENCES

1. Berlin, I., 2002. Evropeiskoye edinstvo i prevratnosti ego sud'by [European unity and the vicissitudes of its fate], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 3–19. (in Russ.)

2. Berlin, I., 2001. Molchanie v russkoi kul'ture [Silence in the Russian culture]. In: Berlin, I., 2001. *Istoriya svobody*. Rossiya. Moskva: Novoye literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

3. Berlin, I. Rozhdenie russkoi intelligentsii [The birth of Russian intelligentsia]. URL: <https://philologist.livejournal.com/7189238.html> (in Russ.)

4. Herzen, A.I. S togo berega [From the other shore]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (in Russ.)

5. Granovskaya, O.L., 2014. Isaiya Berlin: britanskii liberalizm i russkaya filosofiya (dialog mirovozzrenii) [Isaiah Berlin: British liberalism and Russian philosophy (dialogue of worldviews)], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 51–59. (in Russ.)

6. Granovskaya, O.L., 2015. Tsennostnyi plyuralizm Isaii Berlina [Isaiah Berlin's value pluralism], *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 90–100. (in Russ.)

7. Gromova, N. «...I ya sam stal inym chelovekom». Neizvestnye pis'ma L'va Shestova [«... And I myself became a different person». Unknown

letters of Leo Shestov]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jKXXfHNydlc> (in Russ.)

8. Polyakov, S. Lev Shestov: filosofiya dlya ne boyashchikhsya golovokruzheniya [Leo Shestov: philosophy for those who are not afraid of dizziness.]. URL: <http://his.1september.ru/1999/his24.htm> (in Russ.)

9. Rorty, R., 1996. Sluchainost', ironiya i solidarnost' [Contingency, irony and solidarity.]. Moskva: Russkoe fenomenologicheskoe obschestvo. (in Russ.)

10. Shestov, L.I. Apofeozy bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya) [Apotheosis of groundlessness (experience of antidogmatic thinking)]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/apofl.html> (in Russ.)

11. Shestov, L.I. Velikie kanuny [The great eves]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019865> (in Russ.)

12. Shestov, L.I., 1966. Sola Fide. Tol'ko veroyu [By faith alone]. Paris: YMCA-PRESS. (in Russ.)

13. Shestov, L.I., 1991. Chto takoye russkiy bol'shevizm? [What is Russian Bolshevism?], *Strannik: Literatura, iskusstvo, polemika*, no. 1, pp. 36–58. (in Russ.)

14. Shestov, L.I. Shekspir i ego kritik Brandes [Shakespeare and his critic Brandes]. URL: https://royallib.com/book/shestov_lev/shekspir_i_ego_kritik_brandes.html (in Russ.)

15. Berlin, I., 1991. *Conversations with Isaiah Berlin*. New York: Scribner's.

16. Berlin, I., 1980. The purpose of philosophy. In: Berlin, I., 1980. *Concepts and categories: philosophical essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12.

17. Berlin, I., 2013. The role of the intelligentsia. In: Berlin, I., 2013. *The power of ideas*. Princeton: Princeton University Press, pp. 125–133.

18. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. *The proper study of mankind*. New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 234–250.

19. Gray, J., 1995. *Berlin*. London: Fontana press.

20. Ignatieff, M., 1998. *Isaiah Berlin: a life*. New York: Metropolitan Books.

21. Makolkin, A., 2002. Russian, Stalinist and Soviet re-readings of Kierkegaard: Lev Shestov and Piama Gaidenko. *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 44, no. 1–2, pp. 79–96.